

Тунгусский мотив

Икону в праздничном углу
Прикрыли байковой портянкой,
А сами на чужом полу
Расположились. Злобно тьявкает
Хозяйский пес, рычит на дверь,
В которую вошли без страха
Самец и самка, чует зверь
Густой дразнящий запах паха.
А пол холодный. Пол скрипит.
Иконочку, на всякий случай,
Прикрыли и разлили спирт
Противный (теплый и вонючий),
Разбавленный напополам.
Мы не в ладу с сухим законом –
Привыкшие к чужим углам
И не привыкшие к иконам.
А здесь подделка – ну и что ж –

Откуда взяться настоящей?
И между нами тоже ложь
Безбожная – и даже слаще.
А стекла забивает гнус
Густой, что даже штор не надо.
Мне говорил один тунгус,
Что вера их не знает ада.
Им легче лишь на беглый взгляд,
А мы полны другой надеждой.
И этот дом на спуске в ад
Не станет долгою задержкой.
Который день тайга горит.
До неба дым. Глаза слезятся.
А где-то там метеорит
Уже давно готов сорваться.

Голубые ели

Обдирая десны, мы доели
Черствые, скудные бутерброды
И валили голубые ели
В жижу под колеса вездехода.
Злость обезобразивала лица.
Топоры звенели все упрямей.
Ели, словно раненые птицы,
Суматошно хлопали ветвями
И распластанно валились наземь,
Молодняк ломая под собою.
А колеса смешивали с грязью
Их ветвей убранство голубое.
И ни с места.
Снова все сначала.
Топоры ярились, дело зная.
Страшно вспомнить, как ожесточала
Красота, почти что неземная.
Собственное варварство бесило,
Было пусто на душе и гадко...
Но машину все же выносило
Из болота по жестокой гати.

Опоздал

Потому, что блуждал между верой с неверием,
Вяз в пирах и в делах, застревал между дел,
Потому, что не часто сверялся со временем
И не знал расписаний (и знать не хотел).

Оправдаться, сказав, что молился лишь поиску?
Где-то так, но боюсь, что причина в другом...
А теперь вот смотрю вслед ушедшему поезду
На виляющий задом последний вагон.

Из-под носа ушел. И какая мне разница
Это рок или случай шутить возжелал.
Я привык.
И пешком можно было б отправиться, –
Не тяжел мой багаж. Но душа тяжела.

Серый день

День, как большой домашний пес,
Разлегся сыто и лениво.
Семейство сереньких берез
Расположилось у залива.

Во мгле туманной пелены
Темнеет ствол трубы фабричной.
И мы

Так тихо влюблены
И так обыденно-привычны,

Спокойные, как этот день,
Мы кажемся сестрой и братом,
И некуда нам руки деть,
Как перед фотоаппаратом.

Неразборчивый почерк

Или тайна меж строчек,
Или белиберда?
Неразборчивый почерк
Некрасив не всегда.

Он порою изящен,
Даже витиеват,
С мастерством настоящим
Буквам выбран наряд.

Завитки, закорючки
Разбежались пестро –
У такой авторучки
Золотое перо.

Ни помарок, ни порчи –
Загляденье. И все ж
До того неразборчив –
Ничего не поймешь.

Стена

Вот уже и нет азарта
Биться в стену головой,
Отложу-ка я на завтра
Этот подвиг трудовой.
Все равно не буду понят,
Благо, что не в первый раз,
Хорошо, что Зойка гонит,
Не взирая на указ,
Превосходную микстуру.
Запах – Боже упаси,
А ее аппаратуру
Хоть на выставку неси.
Капля риска, капля страха
Остальное – чистоган.
А с меня... талон на сахар
К государственным деньгам.
По края наполню флягу
В ноль десятую ведра
И засяду, и не лягу
Аж до самого утра.
Помечтаю и повою
Без вмешательства извне

И с чугунной головою
Вновь приду к своей стене.
Не изжита наша свара,
Распроклятая стена,
Ну-ка, вздрогни от удара
Удалого чугуна.
Ни березка, ни рябина –
Медицинское такси...
Вот такая, брат, судьбина
У поэта на Руси.

Дом с краю

Косо в землю вросшая избушка,
Словно почерневший истукан.
На столе порожняя чекушка
И стакан.

Пара мух ощупывают крошки –
Видно чем-то запах не хорош.
Ни тарелки на столе, ни ложки,
Только нож.

Памяти Аркадия Кутилова

За то, что рано выбрал верный след,
За легкую отточенную строчку
Он должен был погибнуть в двадцать лет,
Но Некто в черном выдумал отсрочку.
Отравлен был лирический герой,
А сам поэт разжалован из строя,
И между первой смертью и второй,
Нес на себе он мертвого героя,
Которого не мог и не хотел
Оставить или тихо спрятать где-то.
И запах обреченности густел,
Бежал за ним, опережал поэта.
Экзотикой всегда увлечены,
Но устают эстет и обыватель.
Друзья редели. Морщились чины.
Шарахался испуганный издатель.

Замками дружно лязгали дома...

Искал подвал, чердак или сарайку.

И лишь гостеприимная тюрьма,

Как милостью, подавала пайку.